

УДК: 93/94+930.2

РЕАКЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ НА ПУБЛИКАЦИЮ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ГЕНЕРАЛА М. ЖАНАНА

Гагкуев Руслан Григорьевич

Институт российской истории РАН,

Москва, Россия

gagkuev@yandex.ru

Аннотация. Статья рассказывает о публикации в 1920–1930-е гг. французским дивизионным генералом Морисом Жаненом отрывков из своих дневников и воспоминаний о Первой мировой войне, Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войне, а также реакции современников на их выход. Занимавший в 1916–1917 гг. должность начальника Французской военной миссии при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве, а в 1918–1920 гг. стоявший во главе Французской военной миссии в Сибири и являвшийся главкомом Чехословацкого корпуса и войск Антанты, генерал Жанен был участником и очевидцем многих важных событий. Стремление показать правильность своих действий и оправдаться от предъявляемых ему обвинений стало его главной мотивацией при работе над нарративными источниками. При подготовке материала впервые широко задействована французская и чешская периодика, также периодические издания русской эмиграцией. Основная часть статьи посвящена оценке воспоминаний генерала Жанена русскими эмигрантами и чехословаками, многие из которых были непосредственными участниками описываемых событий.

Ключевые слова: генерал М. Жанен, верховный правитель адмирал А.В. Колчак, С.П. Мельгунов, интервенция, Антанта, Белое движение, Чехословацкий корпус.

Цитирование: Гагкуев Р.Г. Реакция русской эмиграции и чехословацких легионеров на публикацию дневников и воспоминаний французского генерала М. Жанена // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 201–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123 / Gagkuev R.G. Reaction of the Russian Emigration and Czechoslovak Legionnaires to the Publication of the Diaries and Memoirs of French General M. Janin, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 202–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123.

© Гагкуев Р.Г., 2024

REACTION OF THE RUSSIAN EMIGRATION AND CZECHOSLOVAK LEGIONNAIRES TO THE PUBLICATION OF THE DIARIES AND MEMOIRS OF FRENCH GENERAL M. JANIN

Gagkuev Ruslan G.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
gagkuev@yandex.ru

Abstract. The article tells about the publication in the 1920s–1930s by the French divisional general Maurice Janin of excerpts from his diaries and memoirs about World War I, the Great Russian Revolution of 1917 and the Civil War, as well as the reaction of contemporaries to their publication. General Janin, who in 1916–1917 served as head of the French military mission at the Supreme Commander-in-Chief's headquarters in Mogilev, and in 1918–1920 as head of the French military mission in Siberia and as commander-in-chief of the Czechoslovak Corps and Entente forces, was a participant and eyewitness to many important events. The desire to show the correctness of his actions and to justify himself from the accusations against him became his main motivation when working on narrative sources. For the first time, French and Czech periodicals, as well as periodicals published by the Russian emigration, were widely used in the preparation of the material. The main part of the article is devoted to the assessment of his memoirs by Russian emigrants and Czechoslovaks, many of whom were direct participants in the events described.

Keywords: General M. Janin, Admiral A.V. Kolchak, S.P. Melgunov, Intervention, Entente, White Movement, Czechoslovak Corps.

Французский генерал Морис Жанен (1862–1946) оставил значимый след в истории России. За время своей долгой жизни он дважды продолжительное время находился в России во главе военных миссий, направленных правительством Франции. В первый раз – с мая 1916 по октябрь 1917 г., в годы Первой мировой войны, когда он был начальником Французской военной миссии при Ставке верховного главнокомандующего русской армии в Могилеве; во второй раз – с ноября 1918 по апрель 1920 г., во время Гражданской войны в России, когда генерал стоял во главе Французской военной миссии в Сибири, а также был главнокомандующим войск Антанты к западу от Байкала и чехословацких войск, находившихся в России. Нахождение на протяжении долгого времени в центре событий в годы Первой мировой войны, Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны позволило ему быть участником и очевидцем многих важных событий российской истории, о которых он оставил письменные свидетельства. Документальное наследие, оставленное Жаненом – как в виде нескольких книг воспоминаний, так и многочисленных документов, разбросанных по архивам Франции, России и Чехии – огромно.

После выхода в отставку в 1924 г. во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. генерал Жанен большое внимание уделил написанию воспоминаний о своем прошлом, в которых он попытался рассказать о значимых исторических событиях, непосредственное участие в которых он принимал. Главной же движущей силой его работы над мемуарами стало стремление снять с себя обвинения за выдачу в январе 1920 г. верховного правителя России адмирала А.В. Колчака политическим противникам и его последующую гибель. Еще с 1920 г. такая точка зрения прочно закрепилась не только в среде русской эмиграции, но в определенной степени и в общественном мнении бывших стран, входивших в состав Антанты. По замечанию историка Д. Смила, разочарование Жанена в Колчаке легло в основу написанных им мемуаров [Smele, 2015, p. 520].

На протяжении 1920–1930-х гг. в формате журнальных статей и отдельных книг в разных по детализации и содержанию версиях им были опубликованы дневники и воспоминания, охватывающие весь его период службы, связанный с Россией, т.е. с 1916 по 1920 г. Публикация нарративного наследия французского генерала на французском и чешском языках вызвала живую реакцию со стороны части русской эмиграции, а также чехословацких легионеров, участвовавших в Гражданской войне на востоке России.

Уже в 1924 г., в год выхода Жанена в отставку, в журнале «Лё Монд Слав» («Славянский мир») был опубликован первый отрывок из его так называемого «Сибирского дневника» [Janin, 1924], воспроизводящего события 1918–1920 гг., а в 1925 г. последовало продолжение этой публикации [Janin, 1925].

Журнал «Лё Монд Слав» был основан в 1917 г. славистом Э. Дени и Р. Де Кэ, дипломатом и публицистом, с подачи французского МИДа и с пропагандистскими целями; редактировал его друг Жанена Жюль Легра (Данилова, 2013, с. 16). В отрывках из своего дневника, ставшими широко известными как в русской эмиграции, так и

в Советском Союзе [Жанен, 1927; Жанен, 1930], Жанен впервые публично системно озвучил свое видение Гражданской войны в России на Восточном фронте. Он жестко и нелицеприятно критиковал адмирала А.В. Колчака и его окружение, возлагал основную вину за поражение Белого движения на верховного правителя России, входивших в его окружение прогерманских чиновников и военных, а также британцев, поддержавших свержение демократической Директории и установление приведшей к катастрофе диктатуры, попутно снимая с себя какую-либо ответственность за общее поражение противников большевиков и гибель Колчака.

Хронологически в двух публикациях в «Лё Монд Слав» были охвачены записи за 12, 18 сентября, 14–17 и 26–31 декабря 1918 г., 12–13 января, 14 марта, 3, 10 апреля, 1, 22–25 мая, 1, 5, 7–8, 21, 30 июня, 4–6, 12, 14, 29 июля, 2, 8, 16 августа, 8–12, 25–29 ноября и 11–12, 14, 24 декабря, 23 января 1920 г. Как видно, в отрывках, выбранных Легра к публикации, наиболее подробно освещалось лето 1919 г. и, наоборот, мало была охвачена зима–весна того же года, а период сентября–октября 1919 г. вообще отсутствовал. Тем не менее подобранные Легра с согласия Жанена отрывки охватывали большинство ключевых для жизни Восточного фронта Гражданской войны событий.

В опубликованных дневниковых записях Жанен откровенно критиковал действия британцев в Сибири, и особенно генерала Нокса, которого он считал организатором государственного переворота, в результате которого к власти пришел адмирал Колчак. Ответ Нокса привел хоть и к небольшой, но все же полемике между двумя начальниками союзных миссии в Сибири. В марте 1925 г. Нокс опубликовал в «Слэвоник Ревью» («Славянское обозрение») крайне лаконичный ответ на отрывки из дневников Жанена [Кнох, 1925]. Всего на одной странице текста он, отвечая на выпады в свой адрес в дневниках Жанена, писал о задетом «самолюбии генерала», которому Колчак отказал в занятии поста главнокомандующего, а также о его неспособности «надлежащим образом дисциплинировать контингенты союзных войск», что стало одной из причин трагедии в Сибири. Нокс также отвергал обвинения Жанена на участие британцев в перевороте 18 ноября, обращая внимание, что французский генерал появился в Омске спустя большой промежуток времени после событий. В апреле того же года ответ Нокса на двух языках – английском и французском – был воспроизведен в «Лё Монд Слав» [Le journal Siberian ... , 1925]. Ответ Жанена на страницу текста Нокса был в несколько раз больше, что свидетельствует о чрезвычайной важности для Жанена как самой темы, так и стремления опровергнуть сделанные в его адрес обвинения.

Опубликованные отрывки из «Сибирского дневника» вызвали большое внимание как в среде русской эмиграции, так и в Чехословакии, где жили многие из бывших подчиненных французского генерала. В журнале «Наша революция» был помещен подробный обзор книги, подготовленный доктором Й. Куделой, возглавлявшим в Сибири информационно-просветительский отдел чехословацких войск. По его мнению, дневник Жанена для чехословацких легионеров, переживших в Сибири тяжелые годы, был близок психологически, а как исторический источник имел

большую значимость. Кудела отмечал, что сведения французского военачальника о сибирских событиях «почти во всех случаях основаны на собственном мнении или на достоверных официальных документах», а его автор стремится к правдивому описанию событий. Рецензент выражал желание как можно скорее увидеть дневник полностью опубликованным и переведенным на чешский язык, упоминая о начавшейся в журнале «Лумир» публикации воспоминаний Жанена [Naše revoluce, 1925/26, s. 437].

Одним из наиболее внимательных читателей и критиков дневниковых записей Жанена стал русский историк С.П. Мельгунов. В 1926 г., вскоре после публикации Жаненом отрывков из своих сибирских записей, историк в редактируемом им альманахе «Голос минувшего на чужой стороне» резко отозвался об их объективности. Отвечая Ж. Легра, характеризовавшему в редакционном предисловии «Лё Монд Слав» «эти воспоминания, написанные в форме дневника как нечто весьма объективное», Мельгунов заключал, что, «в сущности, его дневник является своего рода самооправданием путем нападок и порицания других. Такие документы редко бывают объективны». Критикуя французского генерала, Мельгунов считал, что «по крайней мере в Сибири двойственная роль ген[ерала] Жанена была пагубна. Можно не сомневаться, что автор воспоминаний будет весьма враждебен к адм[иралу] Колчаку — ведь на его совести до некоторой степени лежит его гибель. Французскому генералу не нравится резкость, горячность, прямолинейность и искренность сибирского “диктатора”, которого он называет, ссылаясь на отзыв проф[ессора] Масарика, “самозванцем”». «Ген[ерал] Жанен возмущается многократными указаниями Колчака на то, что он предпочел бы отвод чешских и союзнических войск, вмешивающихся во внутренние дела, и получение от союзников только снабжения (это ведь неблагодарность и ксенофобия!), — возмущенно комментировал отрывки из “Сибирского дневника” Мельгунов. — Недовольство союзниками он (Жанен. — Р. Г.) упрощенно склонен рассматривать только под углом зрения “германофильства”, сказавшегося в окружении ген[ерала] Деникина и адм[ирала] Колчака. Для нас все эти признания ген[ерала] Жанена очень ценны, ибо в рядах противников “белого” движения слишком часто склонны отрицать национальную позицию вождей белого движения и все сводить к чужеземной интервенции. Эта интервенция имела много, слишком много отрицательных сторон. Сознание этого, мне кажется, и содействует враждебному отношению многих представителей западноевропейского общественного мнения к тому недавнему прошлому, в котором союзникам приходилось играть не всегда достаточно определенную роль» [Мельгунов, 1926].

В дальнейшем в полемике на страницах печати и Легра, и Мельгунов не раз обращались к опубликованным французским ученым отрывкам из «Сибирского дневника» Жанена. Легра ответил на критический выпад Мельгунова пространной статьей в «Лё Монд Слав» [Legras, 1926], в которой язвительно откликнулся на многочисленные замечания русского историка по разным вопросам и отдельно — относительно публикации отрывков из «Сибирского дневника», отвечая «на нападки, направленные против генерала Жанена». Легра выражал удивление, что

Мельгунов, не придерживавшийся реакционных взглядов, присоединился к «хору голосов» из окружения Колчака, которые покинули его при первой опасности, а затем обвинили Жанена в том, «что он “сдал адмирала”» и несет ответственность за его гибель. Легра упрекал Мельгунова в том, что сам он во время Гражданской войны «сражался пером» вместо того, чтобы отправиться в Сибирь, и ставил в пример себя и свою работу в миссии в Омске в 1918–1920 гг. При этом Легра задавался вопросом, какие бы чувства испытывал Мельгунов к диктатору Колчаку, убивавшему за неимением большевиков социалистов, если бы он сам побывал в Сибири? Размышления приводили Легра к мысли, что окажись Мельгунов в Сибири, то он думал бы о Колчаке, «который, как верил весь мир, восстановит порядок в России», так же, как и чины Французской военной миссии. При этом французский ученый решительно отметал обвинения в адрес Жанена о его ответственности за гибель Колчака, считая, что он «не имел к этому никакого отношения»: верховный правитель по собственной воле приехал в Иркутск и сам отказался от предложения чехов бежать. Легра также считал легкомысленным со стороны Мельгунова доверять письму генерала Нокса о Жанене, опубликованном в «Слэвоник Ревью», ничего не зная о взаимоотношениях двух военачальников в Сибири. Он писал о недружественном отношении со стороны начальника Британской военной миссии к французскому главному, а также о том, что сам Нокс «с таким же отвращением, как и мы, относился к диктатору», которого именно он поставил во главе диктатуры и защищал продолжительное время. Наконец, возмущение французского ученого вызывало предположение Мельгунова о том, что «Сибирский дневник» был отредактирован Жаненом с целью личного оправдания. Он твердо опровергал такие домыслы [Legras, 1926, p. 119–121].

Мельгунов продолжил полемику в одном из номеров «Голоса минувшего на чужой стороне» за 1927 г. [С. М., 1927]: «Я рад, однако, что мне не пришлось быть вместе с некоторыми представителями иностранных держав в Сибири и на Юге, — не без раздражения отвечал Легра русский историк, — я могу по крайней мере с меньшей остротой отнести теперь ко многим действиям этих иностранцев в России в печальные дни “интервенции” и не заразиться той ксенофобией, которую ген[ерал] Жанен приписывает плохим патриотам, какими являются в его глазах русские. Меня, действительно, возмущает, когда ген[ерал] Жанен в своем дневнике именуется А.В. Колчака авантюристом». Мельгунов полагал, «что известный радикализм проф[ессора] Legras и его единомышленников в вопросе, касающемся гражданской войны в России», может быть объяснен «своего рода патриотизмом желающих найти себе самооправдание иностранцев». «Факты всегда остаются фактами, — писал историк. — Когда проф[ессор] Legras авторитетно утверждает, что адм[ирал] Колчак расстреливал и топил социалистов-революционеров за отсутствием большевиков — он это делает в своем ответе, — я говорю с полным сознанием, что это неправда и неправда злостная, почерпнутая не из личных наблюдений, а из пристрастных свидетельств». «Во всяком случае, роль ген[ерала] Жанена в Сибири встречает неодобрение со стороны не только русских реакционеров, как склонен думать проф[ессор] Legras», — отвечал Мельгунов на обвинения в приверженности

сторонников Колчака реакционных взглядов. «Я утверждаю, что в своих новых и решительных обобщениях проф[ессор] Legras попирает всякое представление о научности в исторических исследованиях, с какой бы стороны к ней ни подходить», — заключал историк [С. М., 1927, с. 314–315].

В 1928 г., после написанного Легра открытого письма, обмен мнениями завершился на страницах «Голоса минувшего на чужой стороне». Французский ученый, вспоминая об использованной в одной из статей Мельгуновым формулировке «ненужная полемика», высказал мнение, «что на этой почве мы могли-бы сойтись». «Соглашаясь в общих чертах относительно наших методов, мы всегда будем различаться в подробностях их применения». Тем не менее в опубликованном на русском языке письме Легра упустил возможности еще раз заявить о своей правоте в отношении написанного Жаненом о Колчаке: «Хотя я тоже уверен — и на основании личного опыта, и на основании чтения документов — что сказал истинную правду, утверждая, что при Колчаке, за отсутствием большевиков, расстреливали и топили эсеров, — я не могу, говоря с порядочным человеком, как Вы, сказать ничего иного, как только: “г. Мельгунов был введен в заблуждение”». В отношении «предательства Колчака» французский ученый писал, что, хотя ему «известна об этом доподлинная истина, я, как француз, не могу отозваться о Вашем утверждении так, как Вы отзываетесь о моем: чтобы не переступить границ вежливости, предписываемой нам нашим языком и нашими привычками, я могу сказать только: “г. С.П. Мельгунов ошибается. Адмирал сам просил охраны, которая должна была сопровождать его до Иркутска для переговоров с тамошними эсерами; дорогой чехи предложили ему скрыться, переодевшись чешским солдатом; но, как истинный солдат, он отказался бежать. Вслед за тем в Иркутске одержали верх большевики, адмирал Колчак был убит в минуту приближения войск “белого” генерала Каппеля. Кроме того, население города было возмущено потоплением тридцати одного заложника эсера, совершенном невдалеке от Иркутска, по распоряжению Скипетрова, этого подлого “генерала” — Семенова». Заканчивая свое письмо, Легра предлагал прекратить споры, так как «оба наши журнала преследуют, каждый по-своему, благороднейшую цель» — «возможно лучшим образом осветить Россию перед Западной Европой» [Письмо проф. Legras и мой ответ, 1928, с. 283–284].

Мельгунов в своем ответе сообщал, что редакция охотно размещает письмо, которое «очень корректно по форме и достаточно ядовито по содержанию». «Впрочем, полемизировать в этой плоскости мне не хочется, ибо я действительно очень ценю работу, которую делает почтенный французский журнал славяноведения», — писал он. Тем не менее Мельгунов не упустил случая вновь привести свое мнение о некорректности свидетельств, используемых французским ученым. «Итак, проф[ессор] Legras только ошибается, когда категорически сообщает о фактах, касающихся деятельности адм[ирала] Колчака по отношению к социалистам-революционерам, — язвительно писал историк. — Такие факты мне, действительно, неизвестны, и я могу лишь просить проф[ессора] Legras познакомить русских читателей с теми “документами”, на основании “чтения” которых он укрепился в своем

“личном опыте”». «По существу же, говоря об иркутской трагедии, проф[ессор] Legras вновь ошибается – и потому уже, что не договаривает всего», – заключал Мельгунов [Письмо проф. Legras и мой ответ, 1928, с. 284–285].

Заочная полемика с Жаненом и Легра была продолжена С.П. Мельгуновым на страницах вышедшей в 1930–1931 гг. двухтомной работы «Трагедия адмирала Колчака», в которой он опровергал наиболее спорные тезисы французского генерала и других чинов его миссии в Сибири: об участии британцев в перевороте 18 ноября 1918 г. [Мельгунов, 1930, с. 109–111], германофилах в окружении Колчака [Мельгунов, 1931, с. 350–351], употреблении им наркотиков [Мельгунов, 1931, с. 15] и проч. Использование П.Н. Милюковым записей из «Сибирского дневника» Жанена без должного анализа было подвергнуто Мельгуновым едкой критике на страницах вышедшей отдельным изданием книги «Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова». В их числе – участие англичан в перевороте 18 ноября 1918 г. «Объективность требует сказать, что никаких реальных фактов ни ген[ерал] Жанен, ни другие представители французской военной миссии (напр. Дюбарбье “En Sibirie apres l’armistice”) не могли привести для доказательства, что Колчак является “une intervention anglaise”¹» [Мельгунов, 1929, с. 73–74].

Критикуемый Мельгуновым историк П.Н. Милюков в действительности довольно ограничено использовал отрывки из его «сибирского дневника», справедливо сделав вывод, что «отношение Жанена к Колчаку по мере выяснения сибирской обстановки становилось все более отрицательным и даже прямо враждебным». Он ссылаясь на записи французского генерала при рассказе о принятии в начале 1919 г. решения о распределении верховного командования в Сибири («адмирал сам хотел быть “верховным главнокомандующим”, – и, после бурных объяснений, Жанен удовлетворился положением командующего союзными войсками»), а также на роль британцев в перевороте 18 ноября, указывая, что в дневнике Жанена «приводятся доказательства участия англичан в перевороте» [Милюков, 1927, с. 124–125]. При этом, говоря о выдаче Колчака Политическому центру в Иркутске, Милюков прямо писал, что «ответственность за этот поступок падает на ген[ерала] Жанена» [Милюков, 1927, с. 152].

Участник событий генерал-лейтенант Д.В. Филатьев после знакомства с отрывками из «Сибирского дневника» Жанена в 1932 г. писал, что «те выступления в печати, которые делал сам генерал Жанен, служат не к выяснению, а к затемнению вопроса. В них он, когда правильно, когда предвзято, судит о наших русских действиях, об ошибках Колчака, о недостатке жертвенности у офицеров, среди которых встречались старавшиеся уклониться от службы на фронте, и т. п. Но в этих чисто русских делах мы сумеем разобраться и без помощи генерала Жанена. Но вот чего мы сами никогда не поймем: почему генерал Жанен не захотел обуздать самоуправство чехов, почему он ни разу не ответил на обращения к нему главнокомандующего Каппеля... А самое главное, чего до сих пор ни разу не сказал генерал

¹ Британским вмешательством (англ.).

Жанен — это мог ли и хотел ли он предотвратить предательство чехами адмирала Колчака на расстрел и по какому праву он предоставил чехам свободу распорядиться Колчаком как пленником, тогда как добровольно он отдался им лишь под охрану» [Филатьев, 1985, с. 126–127].

Тем временем в 1926–1927 гг. в журнале «Лё Монд Слав» в серии публикаций увидели свет отрывки из дневника Жанена, посвященные времени его службы при русской Ставке верховного главнокомандующего в 1916–1917 гг. [Janin, 1926, janvier, p. 1–24; mai, p. 161–185; 1927, janvier, p. 1–19; février, p. 285–311; mai, p. 161–174; octobre, p. 62–80]. Отрывки из дневников, посвященных Первой мировой войне и службе Жанена в русской Ставке, оказались значительно более объемными, чем опубликованные записи периода Гражданской войны в Сибири. В них Жанен позволил себе и обширные «позднейшие отступления» — в части, касавшейся событий февраля–марта 1917 г. и Корниловского выступления. Выбранные Жюлем Легра записи, помимо довольно подробного отдельного описания жизни в Ставке в Могилеве и ближайшего окружения Николая II, охватывали 19–26 ноября, 2–3, 7, 14, 31 декабря 1916 г., 8, 15, 17 января, 17, 19, 22, февраля, 10, 24–31 марта, 2–5, 8–20, 22–30 апреля, 6–7 мая, 21, 25–27 июля, 4–8, 11–12 августа, 2–4, 7–15 сентября, 4, 8–10 октября 1917 г. Как видно, некоторые из месяцев, охватывающих наиболее кризисные события (март и сентябрь 1917 г.), приведены почти в ежедневных записях французского генерала. Другие — время с весны по ноябрь 1916 г., а также июнь 1917 г. — отсутствуют полностью.

В продолжение начатых им публикаций дневниковых записей в конце 1920-х гг. в Праге увидели свет обширные воспоминания Жанена «Мое участие в чехословацкой борьбе за свободу», написанные специально для чехословацкого читателя на основе дневниковых записей, легших в основу их структуры [Janin, 1926]. Их выход отдельным изданием предварялся публикацией в 1925–1927 гг. в виде приложения к чешскому литературному журналу «Лумир» [Příloha Maurice Janin, 1925–1926; Literární příloha: Gen. M. Janin, 1926–1927; Literární příloha: Gen. M. Janin, 1927–1928]. Перевод рукописи с французского языка был выполнен известным чешским поэтом и переводчиком Г. Елинеком (Hanuš Jelínek), одним из редакторов литературного журнала «Лумир». В начале XX в. он активно способствовал сближению чешской и французской культур, подготовил немало переводов книг с французского, а также переводов произведений чешских писателей на французский язык. С начала 1922 г. он работал в Париже и, вероятно, был лично знаком с Жаненом.

Публикация воспоминаний французского генерала анонсировалась в чехословацких изданиях [Moravský legionář, 1925; Naše revoluce, 1925/26, sv. 2, s. 256]. От вышедших позднее мемуаров о миссиях в русской Ставке в 1916–1917 гг. и в Сибири 1918–1920 гг. их отличал сквозной охват автором темы создания чехословацких формирований в 1916 г. и их последующего участия в событиях Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны, вплоть до эвакуации из Владивостока в Европу. В предисловии Жанен указывал, что в первой части книги он «кратко изложил или дословно процитировал» страницы из своего дневника, который вел

в 1916–1917 гг., в особенности в той части, которая касалась чехословаков. Во второй части мемуаров повествование касалось сотрудничества с Чехословацким Национальным советом в Париже на основе его воспоминаний и сохранившихся документов. Наконец, третья часть включила в себя дневниковые записи, сделанные им в Сибири в 1918–1920 гг., из которых он опустил то, что не касалось непосредственно чехословаков, оставив свои размышления о происходивших в Сибири событиях [Janin, 1926, s. 6]. Жанен отмечал, что подготовил воспоминания в «форме дневника», потому как такая форма хоть и дает читателю «менее упорядоченную и менее логичную редакцию», но этот недостаток компенсируется тем, что читатель может сам следить за впечатлениями, которые те или иные события производили на автора, а иногда и «за изменениями в его суждениях и оценках». Этим, как справедливо считал французский генерал, увеличивается ценность документа [Janin, 1926, s. 96].

Только в этой версии воспоминаний Жанен подробно написал о своем отношении к чехам и словакам, личных мотивах, которые его связывали с ними, дружбе с М.Р. Штефаником, а также ситуации, связанной с его неназначением в Прагу в 1920 г. В этих мемуарах Жанен в полной мере продолжил линию на «обеление» действий чехословацких войск в 1918–1920 гг., с одной стороны, явно преувеличивая их роль и значение в событиях 1918 г., с другой — никак не затронув «черные страницы» их истории в Сибири в 1919–1920 гг., как то участие в карательных акциях и грабежах, а также ведущую роль в постигшей белый Восточный фронт катастрофе и гибели верховного правителя адмирала Колчака.

Для деятелей чехословацкого национального движения и участников «сибирской эпопеи» подготовка и выход мемуаров Жанена, несомненно, стали значимым событием. Доктор Й. Кудела откликнулся на выход воспоминаний Жанена их подробным разбором в обширной рецензии, по сути — полноценной статье, в которой автор высказал свои мысли по поводу многих эпизодов, затронутых французским генералом. Кудела полемизировал с мемуаристом, указывал на некоторые неточности и ошибки, давал обширные комментарии в примечаниях [Kudela, 1929–1930]. Он указывал, что Жанен на протяжении почти четырех лет находился в самом тесном контакте с чехословацким освободительным движением, занимал высший пост в национальной армии и пережил трудные времена с ее крупнейшей частью, находившейся в России, в силу чего его свидетельства имеют «исключительное значение» [Kudela, 1929–1930, s. 29]. Кудела отмечал, что в первой части мемуаров Жанен вносит важный вклад в понимание жизни чехов и словаков в России во второй половине 1916 г. — первые месяцы 1917 г.; во второй проливает свет на начало чехословацких формирований во Франции с французской точки зрения. Основной же интерес, по мнению автора статьи, в воспоминаниях французского генерала представляла третья часть — с описанием жизни легионеров в Сибири. Кудела писал, что Жанен в резких тонах изобразил обстановку в Сибири, «в которой жили, работали и сражались наши войска», высказывая свое отрицательное отношение к диктатуре Колчака. По его мнению, политические взгляды Жанена и, «возможно,

даже более того, его воспитание и традиции французского офицера» не позволили ему в полной мере понять «внутреннее брожения» и другие «странные явления» в чехословацких войсках в Сибири [Kudela, 1929–1930, s. 48].

Говоря о заслугах Жанена в деле возвращения чехов и словаков из Сибири в Чехословакию, Кудела высказывал мнение, что «за свою честную работу» генерал не получил должной оценки ни во Франции, ни на «родине своих сибирских солдат», став жертвой политических обстоятельств и личных интриг. По его мнению, публикация Жаненом воспоминаний имеет своей целью прежде всего собственную защиту: автор излагал все, что он сделал, и объяснял, почему он это сделал, стремясь «показать, где виновники неудач». Кудела также был убежден в большей востребованности мемуаров французского генерала в Чехословакии, а не во Франции [Kudela, 1929–1930, s. 50]. В заключении автор рецензии подвергал критике подготовку чешского издания воспоминаний Жанена. По его мнению, сделанный перевод был слишком беглым и часто не проникал в суть вещей, так как переводчик не постарался досконально ознакомиться с событиями и обстоятельствами, о которых писал французский генерал, не владел военной терминологией. Сравнив фрагменты, опубликованные «Лё Монд Слав», с чешским изданием, Кудела обнаружил между ними довольно значительные различия и разночтения, дав большой список ошибок. Завершая свой многостраничный обзор, он приходил к выводу, что чешское издание мемуаров, куда вошли дневники Жанена, не уменьшило необходимости полной публикации дневника в оригинале [Kudela, 1929–1930, s. 51–54].

На выход книги своего друга в «Лё Монд Слав» рецензией откликнулся Легра, отметивший, что существенное место в повествовании Жанен отводит личности Штефаника и его роли в национально-освободительном движении [Legras, 1931]. Легра указывал, что недостатком большой по объему книги на чешском языке стало слишком большое внимание, уделяемое автором чехословацкому вопросу, который, «в конце концов, был лишь одним из второстепенных аспектов войны». Легра писал о несправедливости того, если ни один издатели во Франции не поймет, «что русские и сибирские записки генерала Жанена — это часть истории», и они содержат многое помимо ценной информации: интересные детали, портреты исторических деятелей. Он «все еще тешил себя надеждой, что когда-нибудь эта книга будет опубликована во Франции», с блеском объяснив тем самым широкой публике и историкам причины и предпосылки русского поражения.

В 1931 г. в Праге вышла следующая объемная книга воспоминаний Жанена — «Падение царизма и конец русской армии» [Janin, 1931], рассказывающая о миссии при Ставке верховного главнокомандующего в России в 1916–1917 гг., также переведенная на чешский язык с французского Г. Елинеком [Ж., 1931]. Помимо подробного изложения (на основе дневниковых записей) происходивших в России событий Первой мировой войны и Великой российской революции 1917 г., книга была дополнена рядом документов, связанных с перевозкой Жаненом в 1920 г. следственных материалов и доказательств по делу об убийстве царской семьи, переданных следователем Н.А. Соколовым.

На фоне активной публикаторской деятельности Жанена в Чехословакии на его родине долгое время единственными печатными работами были отрывки из дневников, изданные еще в 1924–1927 гг. Только в 1933 г. в Париже увидела свет его наиболее важная прижизненная работа – «Моя миссия в Сибири» [Janin, 1933]. Она была призвана, с одной стороны, показать значимость роли Жанена в событиях российской Гражданской войны, оправдать его действия и действия чехословаков, с другой – возложить вину за поражение русской контрреволюции и Антанты в Сибири на самого Колчака и его окружение, а также британских военных и дипломатических представителей. И, конечно, не менее значимым для Жанена было снять с себя ответственность за гибель верховного правителя адмирала Колчака.

Спустя тринадцать лет после возвращения из России, после своих многочисленных чехословацких публикаций и многочисленных французских мемуаров своих подчиненных, Жанен наконец издал собственную версию событий 1918–1920 гг., основываясь на дневниковых записях и документах, находившихся в его распоряжении. В ее подготовке к печати активное участие принимал Ж. Легра, не только выступивший литературным редактором, но и сыгравший большую роль в отборе содержания [Данилова, 2013, с. 16–17]. «Эти страницы обязаны своим существованием Жюлю Легра, которого – увы! – уже нет с нами», – признавался Жанен в одних из своих мемуаров [Janin, 2015, s. 37]. Нетрудно заметить, что в основе французской версии воспоминаний лежал текст вышедших еще в 1926 г. в Праге мемуаров «Мое участие в чехословацкой борьбе за свободу». Из французской рукописи были убраны события Первой мировой войны, многочисленные подробности, связанные с созданием чехословацких частей и их действиями в России, и наоборот – добавлена информация, рассказывающая о деятельности Французской военной миссии в Сибири.

Большой срок, минувший со времени возвращения Жанена в июне 1920 г. из России, не привлек к выходу книги значимого внимания ни во французском обществе, ни в среде русской эмиграции. Вопрос ответственности за гибель Колчака к тому времени и во Франции, и в других странах бывшей Антанты мало кого волновал, став темой сугубо исторической, по-настоящему значимой, пожалуй, только для русских эмигрантов. Отставной генерал Жанен повторил свою версию событий Гражданской войны в России, но в обстановке 1933 г. она была значима прежде всего для него самого. Не случайно его «Миссия в Сибири» впоследствии так и не была переиздана ни во Франции, ни в других странах. В самой Франции накануне, 6 мая 1932 г., состоялось резонансное событие, связанное с русской эмиграцией – президент страны П. Думер был смертельно ранен в ходе покушения П.Т. Горгуловым, заявлявшем о мести Франции, отказывавшейся от организации широкой антисоветской интервенции в СССР. Вероятно, в том числе и поэтому в немногих вышедших французских рецензиях на «Миссию в Сибири» авторы принимали критический взгляд Жанена на Россию. В мире же ключевым событием 1933 г. стало назначение 30 января 1933 г. рейхсканцлером Германии лидера Национал-социалистической немецкой рабочей партии А. Гитлера. В скором времени мир стал стремительно скатываться к началу новой мировой войны.

В декабрьском номере газеты «Эр нувель» автор под псевдонимом Виатор в озаглавленной с сарказмом рецензии «Белые рыцари» обильно цитировал отрывки из воспоминаний Жанена, используя их как ответ на критику французских властей со стороны русской военной эмиграции. «Перед лицом всех этих ужасов, которые сегодня нам раскрыл генерал нашей армии, ставший самым большим свидетелем деяний монархистов, — писал он, — мы снова задаем себе вопрос: до каких пор царским авантюристам будет дозволено читать нам нотации и набрасываться на наш режим и на наше правительство? Что они осмеливаются нам навязывать, эти друзья, эти учителя и эти последователи ударных частей из-за Рейна (речь о германской армии. — Р. Г.), чей девиз также — какая ирония! — “С нами Бог!”» [Viator, 1933].

В апреле 1934 г. в вышедшей в газете «Матен» заметке рецензент писал, что «предлагаемое нам сегодня сочинение представляет собой подробное и весьма живое описание помощи, оказанной» Жаненом «белому» диктатору в его борьбе против революции. «Лучше, чем когда-либо, читая эту книгу, мы понимаем, каким образом провалилась эта самонадеянная и дорогостоящая авантюра, вследствие военной бездарности и едва ли не патологического отсутствия у адмирала политического такта, — заключал автор. — Уже внушая недоверие японцам, он отстранился и от чехословаков, стал невыносимым для союзников и вызывал отвращение у граждан своей же страны, среди которых было столько бывших большевиков, чье раскаяние мог укрепить лишь лидер исключительной величины» [Les livres, 1934].

Друживший с Жаненом нидерландец Л.Х. Грондейс, прошедший с ним через обе миссии в России в 1939 г. одним из немногих, дал подробную оценку его французским мемуарам. «Только через тринадцать лет после предательства генерал Жанен опубликовал рассказ об этом событии в своих мемуарах, и его невозможно читать без чувства глубокого сожаления, — искренне сокрушался голландец. — Автору было бы совсем не сложно представить события так, как они происходили в действительности, и назвать виновников своими именами». Грондейс, убежденный в виновности за трагедию адмирала Колчака чехословацких войск, недоумевал такому упорству Жанена в их защите. Публикуя в своем сборнике «Дело Колчака» многочисленные документы, он был уверен, что читатель, познакомившись с ними, «убедится, что ни верховные комиссары, ни генерал Жанен ни на йоту не отступили от своего долга». По его убеждению, «следуя указаниям, данным Советом верховных комиссаров стран-союзниц», Жанен как «главнокомандующий Чехословацкой армии дал строгий приказ своей армии охранять жизнь адмирала. Эта армия предпочла не повиноваться голосу чести и приказу своего командующего. Поведение генерала Сырового, комиссаров чешской армии Гирсы, Благоша и других было продиктовано соображениями политической ненависти и своекорыстными интересами» [Grondijs, 1939, p. 56–57].

Русская эмиграция почти проигнорировала французские мемуары Жанена. Язык публикации едва ли мог в этом случае быть препятствием для знакомства с ними большинства русских военных, политиков и мемуаристов. Тем не менее отзывов на книгу было совсем не много.

Писатель Н.В. Брянчанинов, ознакомившись с книгой Жанена, писал, что хотя его сочинение и «восполняет немало пробелов, а также освещает стороны, оставшиеся до сих пор в тени, оно в очередной раз показывает, если можно так выразиться, насколько мало души вкладывали союзники России в свои взаимоотношения с ее населением и руководителями». Он отмечал, что при этом «их не упрекнуть в том, что они не сдержали слова или не знали о материальных потребностях России. С юридической точки зрения, внешне, они сделали все, чего от них можно было ожидать, и, возможно, даже больше», но со времени первой встречи русских со своими союзниками «образовалась пропасть, возникшая прежде всего из-за того, что каждый рассуждал и измерял все по-своему. Эта нехватка психологического взаимопонимания стала чувствоваться особенно к концу войны, когда у союзников возникло по отношению к русским чувство неодобрения и сильной раздражительности за их “предательство”, а у русских, по крайней мере, у масс — глухое негодование против попытки союзников заставить их продолжить выполнение задачи, ни значение, ни необходимость которой они не понимали». Характеризуя самого Жанена, Брянчанинов указывал, что его роль в Сибири «заключалась прежде всего в спасении бывших чехословацких военнопленных из трясины, в которой они увязли. Он настолько увлекся этой ролью, что не обращал никакого внимания на тот факт, что вокруг адмирала Колчака, который к тому времени уже был и морально и психологически конченным человеком, и в русской массе существовали здоровые, энергичные и серьезные элементы, которые смогли бы, если бы их поддержали и ободрили, спасти Сибирь от анархии и коммунизма» [Mercure de France, 1934].

С резкой рецензией на книгу выступил русский судебный деятель и журналист Н.Н. Чебышев, в годы Гражданской войны — участник Белого движения, в начале 1920-х гг. занимавший должность начальника гражданской части канцелярии главкома Русской армией генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. Все внимание в своей оценке воспоминаний он сосредоточил на гибели адмирала Колчака. Прочитав мемуары Жанена, он приходил к выводу, что тот «не считает необходимым даже оправдываться. Он, по-видимому, был убежден, что вообще незачем принимать мер к спасению Колчака, и что выдача адмирала иркутским революционерам — акт неизбежный, вытекавший из сложившейся в то время обстановки. Мало того: по запискам ген[ерала] Жанена проходит красной нитью его неприязнь к адмиралу Колчаку. Вся книга генерала Жанена проникнута недоброжелательством к адмиралу Колчаку и к тому, что делалось в Сибири». Чебышев обращал внимание на разного рода слухи, которые подавались французским генералом в воспоминаниях как факты. Жанен «относится к нему (Колчаку. — Р. Г.) на протяжении всей книги с нескрываемой злобой. Подбирает с полу все крохи ошибок адмирала и погрешностей его администрации. Не стесняется связать с именем Колчака чужие излишества и жестокости» [Чебышев, 29 декабря 1933 г., с. 3].

Чебышев писал, что рассчитывал найти в мемуарах Жанена «оправдание» его поведения «или такое объяснение, которое придется сложным методом исследования распутывать для того, чтобы добраться до сути», но так и не смог этого обнаружить.

«В его объяснениях и этого нет, а есть наивная канцелярская отписка, еще более тяжким бременем падающая на совесть того, кто отдал на растерзание убийцам русского героя и патриота», — полагал он. Чебышев указывал на сознательный уход Жанена от встречи с верховным правителем Колчаком и изобретением им «позиции нейтралитета» по отношению к происходившим в конце 1919 — начале 1920 г. событиям. «Такова эта печальная повесть. Он освещает к худшему роль, сыгранную в этой драме автором книги. То, что касалось оплошностью и малодушием, под его пером в мемуарах превратилось в ряд планомерных поступков», — заключал автор [Чебышев, 1 января 1934 г., с. 3, 5].

Наиболее заметной реакцией на сочинение французского генерала стала рецензия, написанная одним из участников событий Гражданской войны на Восточном фронте Гражданской войны контр-адмиралом М.И. Смирновым, опубликованная в главном издании русской военной эмиграции журнале «Часовой». Ожидаемо критическая, она разносила мемуары Жанена, обвиняя его в умолчании многих событий и откровенной лжи. «Книга генерала мало касается сущности событий в Сибири, а главным образом наполнена сплетнями относительно сибирских властей и порядков», — писал Смирнов, непосредственный участник и очевидец событий 1918–1920 гг. в Сибири. Адмирал указывал, что «доброжелательства к русскому делу» в воспоминаниях французского генерала «не приходится искать». «Надо думать, что такое положение создалось вследствие того, что многие чехословацкие лидеры были проникнуты крайними социалистическими идеями и были враждебны Сибирскому правительству, носящему внепартийный национальный характер, — отмечал Смирнов. — Генерал Жанен, окруженный чехословаками, верил всему, что ему сообщали недоброжелатели русской власти, и все эти сплетни приведены в его книге без всякой проверки и доказательств» [Смирнов, 1935, с. 20].

Адмирал Смирнов, как один из офицеров, близко стоящих к Колчаку, был возмущен приведенной Жаненом информацией о пристрастии верховного правителя к наркотикам и указывал на непроверенность многих «фактов», опубликованных французским генералом. «Чего тут только нет, — констатировал он, — обвинение русских властей в германофильстве — все мы, участники войны в Сибири можем сказать, положила руку на сердце, что мы до конца были верны союзному делу; обвинение некоторых сибирских министров в воровстве, никогда никем не доказанное, словом, нет такой недоброжелательной сплетни, распространявшейся в Сибири врагами русского национального дела, которая не нашла бы места в книге генерала Жанена. Но не одним русским только достается от генерала, особым его вниманием пользуются также англичане». В конечном счете Смирнов заключал, что Жанен в Сибири ставил «интересы Чехословацкой армии выше интересов России», а сама его «книга содержит много недоброжелательства к русскому национальному делу, много непроверенных сплетен и клеветы» [Смирнов, 1935].

Ко времени выхода «Моей миссии в Сибири» большинство значимых для историографии русского зарубежья работ по истории Гражданской войны в России уже вышло. С.П. Мельгунов в 1930-е гг., после публикации «Трагедии адмирала

Колчака», уже подробно не возвращался к этой теме, оставив без внимания выход воспоминаний французского генерала. Еще ранее, в 1927 г., завершил для себя исследования революционных событий 1917 г. и Гражданской войны П.Н. Милюков. Ввиду оценок генерала Жанена как всего Белого движения, так и фигуры адмирала Колчака ссылки на его мемуары в работах, вышедших после 1933 г., были минимальны. Большинство русских эмигрантов воспоминания, вероятно, сознательно умалчивались — или цитировались минимально. Так, генерал-лейтенант Н.Н. Головин в 1937 г. в обширном исследовании «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» без ссылки непосредственно на мемуары пишет о «легенде» подготовки переворота 18 ноября 1918 г. Британской военной миссией. «Легенда эта усиленно поддерживается в писаниях представителей французской военной миссии с генералом Жаненом во главе, ревниво относившихся к британскому влиянию в окружении адмирала А.В. Колчака», — отмечал Головин, попутно указывая на возникшую в печати полемику между Жаненом и Ноксом [Головин, 1937, с. 74].

Публикация Жаненом при участии его друзей во Франции и Чехословакии огромного комплекса источников (отрывков из дневников, воспоминаний и других материалов), который должен был показать правильность его действий в ключевые исторические моменты, участником и очевидцем которых был французский генерал, практически не повлиял на его восприятие в среде русской эмиграции. Едва ли препятствием для этого были иностранные языки публикации. Для большинства эмигрантов французский и даже чешский языки, на которых увидели свет дневники и мемуары Жанена, едва ли могли стать препятствием для ознакомления. Куда большую роль играло общественное мнение о Жанене как одном из главных виновников гибели Колчака, а также то обстоятельство, что для многих он олицетворял собой действия стран Антанты в годы Гражданской войны в России, продемонстрировавшие своекорыстие и отсутствие реальной поддержки. Привести в своих публикациях аргументы, которые могли бы изменить это мнение, французский генерал так и не смог. Вероятно, поэтому наибольшая востребованность в его публикациях была в Чехословакии, в которой проживало несколько десятков тысяч подчиненных ему в 1918–1920 гг. солдат и офицеров. Большинству из них психологически была близка основная мотивация Жанена при написании своих мемуаров — показать непричастность к постигшей белый Восточный фронт катастрофе и снять с себя ответственность за выдачу адмирала Колчака политическим противникам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. IV. Кн. 9. Таллин: Imprime en Esthonie, 1937. 112 с.

Данилова О.С. Воспоминания французского капеллана о Сибири (1918–1919 гг.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2013. № 2(11). Ч. 2. С. 15–28.

- Жанен М. Отрывки из моего Сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров / под ред., вступ. ст. А.Н. Корнатовского. М.: Красная газета, 1930. С. 103–145.
- Жанен М. Отрывки из моего Сибирского дневника. [Предисл. и примеч. В.Д. Вегмана.] Пер. с франц. Н. Изонги // *Сибирские огни*. № 4. Новосибирск, 1927. С. 133–161.
- Мельгунов С.П. «Monde Slave» о России // *Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы*. Кн. 2 (XV). Париж, 1926. С. 304–305.
- Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова (по поводу «Россия на переломе»). Критико-библиографический очерк. Париж: Rapid-Imprimerie, 1929. 93 с.
- Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. Белград: Рус. тип., 1930. 238 с.
- Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. Белград: Рус. тип., 1931. 351 с.
- Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. II: Антибольшевистское движение. Кн. 2. Париж: Б. и., 1927. 281 с.
- Письмо проф. Legras и мой ответ // *Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы*. Кн. 6 (XIX). Париж, 1928. С. 283–284.
- С. М. Ответ проф. Legras // *Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы*. Кн. 5 (XVIII). Париж, 1927. С. 313–315.
- Смирнов М. Трагедия адмирала Колчака (воспоминания генерала Жанена) // *Часовой*. № 143. Париж, 1935. С. 20–22.
- Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж: YMCA-press, 1985. 142 с.
- Чебышев Н.[Н.]. Выдача адмирала Колчака. Записки генерала Жанена // *Возрождение*. № 3132. Париж. 29 декабря 1933 г. С. 3.
- Чебышев Н.[Н.]. Выдача адмирала Колчака. Записки генерала Жанена // *Возрождение*. № 3135. Париж. 1 января 1934 г. С. 3–5.
- Grondijs L.H. *Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1939. 302 p.
- Janin [M.] *Ma mission en Sibérie, 1918–1920*. Paris: Payot, 1933. 307 p.
- Janin M. Au G. Q. G. russe // *Le monde slave*. Paris, 1926. Janvier. P. 1–24; Mai. P. 161–185; 1927. Janvier. P. 1–19; Février. P. 285–311; Mai. P. 161–174; Octobre. P. 62–80.
- Janin M. *En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin*. Paris: L'Harmattan, 2015. 283 p.
- Janin M. *Moje účast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek*. Praha: Nakl. J. Otto, [1926]. 382 s.
- Janin M. *Pad carismu a konec ruske armady: (moje misse na Rusi v letech 1916–1917) / z rukop. prel. H. Jelinek*. Praha: J.A. Ruzicka, 1931. 229 s.
- Janin M. *Fragments de mon journal Siberien // Le monde slave*. Paris, 1924. Decembre. P. 221–241.

- Janin M. Fragments de mon journal Siberien // *Le monde slave*. Paris, 1925. Mars. P. 339–355.
- K. Generál Maurice Janin: Pád carského režimu a konec ruské armády // *Legionářská stráž*. 2. dubna 1931. № 15. S. 4.
- Knox A. Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde Slave for December, 1924 // *The Slavonic Review*. Vol. 3. No. 9. Mar., 1925. P. 724.
- Kudela J. Svědectví generála Janina // *Naše revoluce*. Roč. VI. Sv. 1–2. Praha, 1929–1930. S. 29–54.
- Le journal Siberian du general Janin // *Le monde slave*. Paris, 1925. Avril. № 4. P. 19–24.
- Legras J. Général Maurice Janin. La part que j'ai prise dans la lutte des Tchécoslovaques pour la liberté (Moje účast na československém boji za svobodu), traduit par M.H. Jelínek. 1 vol. gr. in-8° carré, 384 pages, 2 cartes, Prague, Otto, s. d. // *Le Monde slave*. No. 1. Janvier 1931. P. 145–148.
- Legras J. Pro domo // *Monde Slave*. Paris, 1926. Juillet. No. 7. P. 108–122.
- Les livres // *Le Matin*. No. 18 301. 29 avril 1934. P. 4.
- Literární příloha: Gen. M. Janin. Moje účast na československém boji za svobodu (přeložil dr. Hanuš Jelínek) (Dokončeni) // *Lumír*. Roč. 54. Praha, 1927–1928. 170 s.
- Literární příloha: Gen. M. Janin. Moje účast na čsl boji za svobodu. Přel. H. Jelínek // *Lumír*. Roč. 53. Praha, 1926–1927. 159 s.
- Mercure de France. 15 mars 1934. P. 658–660.
- Moravský legionář. 29. ledna 1925. № 5. S. 3.
- Naše revoluce. Roč. III. 1925/26. Sv. 2. S. 256.
- Naše revoluce. Roč. III. 1925/26. Sv. 3–4. S. 437.
- Příloha Maurice Janin // *Lumír*. Roč. 52. Praha, 1925–1926. 32 s.
- Smele J. *Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2015. 1470 p.
- Viator. Les chevaliers blancs // *L'Ère nouvelle*. No. 5829. 15 décembre 1933. P. 3.

REFERENCES

- Golovin N.N. *Rossijskaya kontrrevolyuciya v 1917–1918*. [Russian counterrevolution in 1917–1918]. Ch. IV. Kn. 9. Tallin: Imprime en Esthonie, 1937. 112 p. (in Russian).
- Danilova O.S. Vospominaniya francuzskogo kapellana o Sibiri [Memories of a French chaplain about Siberia] (1918–1919), in *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. 2013. No. 2 (11). Ch. 2. Pp. 15–28. (in Russian).
- Janin M. Otryvki iz moego Sibirskogo dnevnika [Excerpts from my Siberian diary], in *Kolchakovshchina. Iz belyh memuarov* [Kolchakovschina. From White Memoirs] / pod red., vstup. st. A.N. Kornatovskogo. Moscow: Krasnaya gazeta, 1930. Pp. 103–145. (in Russian).

- Janin M. Otryvki iz moego Sibirskogo dnevnika [Excerpts from my Siberian diary], in *Sibirskie ogni*. No. 4. Novosibirsk, 1927. Pp. 133–161. (in Russian).
- Melgunov S.P. «Monde Slave» o Rossii [«Monde Slave» on Russia], in *Golos minuvshogo na chuzhoj storone: Zhurnal istorii i istorii literatury*. Kn. 2 (XV). Paris, 1926. Pp. 304–305. (in Russian).
- Melgunov S.P. *Grazhdanskaya vojna v osveshchenii P.N. Milyukova (po povodu «Rossiya na perelome»)*. Kritiko-bibliograficheskij ocherk [The Civil War in the coverage of P.N. Milyukov (on «Russia on the cusp»). Critical and bibliographical essay]. Paris: Rapid-Imprimerie, 1929. 93 p. (in Russian).
- Melgunov S.P. *Tragediya admirala Kolchaka* [The tragedy of Admiral Kolchak]. Ch. 2. Belgrad: [Rus. tip.], 1930. 238 p. (in Russian).
- Melgunov S.P. *Tragediya admirala Kolchaka* [The tragedy of Admiral Kolchak]. Ch. 3. T. 1. Belgrad: [Rus. tip.], 1931. 351 p. (in Russian).
- Milyukov P.N. *Rossiya na perelome: Bol'shevistskij period russkoj revolyucii* [Russia at the Turning Point: The Bolshevik Period of the Russian Revolution]. T. II: Antibold'shevistskoe dvizhenie [The Anti-Bolshevik Movement]. Kn. 2. Paris: Unpublished, 1927. 281 p. (in Russian).
- Pis'mo prof. Legras i moj otvet [Prof. Legras' letter and my response], in *Golos minuvshogo na chuzhoj storone: Zhurnal istorii i istorii literatury*. Kn. 6 (XIX). Paris, 1928. Pp. 283–284. (in Russian).
- S. M. [Melgunov] Otvet prof. Legras [Response to Prof. Legras], in *Golos minuvshogo na chuzhoj storone: Zhurnal istorii i istorii literatury*. Kn. 5 (XVIII). Paris, 1927. Pp. 313–315. (in Russian).
- Smirnov M. *Tragediya admirala Kolchaka (vospominaniya generala Janina)* [The Tragedy of Admiral Kolchak (Memoirs of General Janen)], in *Chasovoj*. No. 143. Paris, 1935. Pp. 20–22. (in Russian).
- Filat'ev D.V. *Katastrofa Belogo dvizheniya v Sibiri. 1918–1922. Vпечатleniya ochevidca* [The catastrophe of the White movement in Siberia. 1918–1922. Eyewitness impressions]. Paris: YMCA-press, 1985. 142 p. (in Russian).
- Chebyshev N.[N.]. Vydacha admirala Kolchaka. Zapiski generala Janina [The rendition of Admiral Kolchak. Notes of General Janin], in *Vozrozhdenie*. No. 3132. Paris. December 29, 1933. Pp. 3. (in Russian).
- Chebyshev N.[N.]. Vydacha admirala Kolchaka. Zapiski generala Janina [The rendition of Admiral Kolchak. Notes of General Janin], in *Vozrozhdenie*. No. 3135. Paris. January 1, 1934. Pp. 3–5. (in Russian).
- Grondijs L.H. *Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1939. 302 p.
- Janin [M.] *Ma mission en Sibérie, 1918–1920*. Paris: Payot, 1933. 307 p.
- Janin M. Au G. Q. G. russe, in *Le monde slave*. Paris, 1926. Janvier. P. 1–24; Mai. P. 161–185; 1927. Janvier. P. 1–19; Février. P. 285–311; Mai. P. 161–174; Octobre. P. 62–80.

- Janin M. *En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin*. Paris: L'Harmattan, 2015. 283 p.
- Janin M. *Moje účast na Československém boji za svobodu* / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha: Nakl. J. Otto, [1926]. 382 s.
- Janin M. *Pad carismu a konec ruske armady: (moje misse na Rusi v letech 1916–1917)* / z rukop. prel. H. Jelinek. Praha: J.A. Ruzicka, 1931. 229 s.
- Janin M. Fragments de mon journal Siberien, in *Le monde slave*. Paris, 1924. Decembre. P. 221–241.
- Janin M. Fragments de mon journal Siberien, in *Le monde slave*. Paris, 1925. Mars. P. 339–355.
- K. Generál Maurice Janin: Pád carského režimu a konec ruské armády, in *Legionářská stráž*. 2. dubna 1931. No.15. S. 4.
- Knox A. Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde Slave for December, 1924, in *The Slavonic Review*. Vol. 3. No. 9. Mar., 1925. P. 724.
- Kudela J. Svědectví generála Janina, in *Naše revoluce*. Roč. VI. Sv. 1–2. Praha, 1929–1930. S. 29–54.
- Le journal Siberian du general Janin, in *Le monde slave*. Paris, 1925. Avril. No. 4. P. 19–24.
- Legras J. Général Maurice Janin. La part que j'ai prise dans la lutte des Tchecoslovaques pour la liberté (Moje účast na československém boji za svobodu), traduit par M.H. Jelinek. 1 vol. gr. in-8° carré, 384 pages, 2 cartes, Prague, Otto, s. d., in *Le Monde slave*. No. 1. Janvier 1931. P. 145–148.
- Legras J. Pro domo, in *Monde Slave*. Paris, 1926. Juillet. No. 7. P. 108–122.
- Les livres, in *Le Matin*. No. 18 301. 29 avril 1934. P. 4.
- Literární příloha: Gen. M. Janin. Moje účast na československém boji za svobodu (přeložil dr. Hanuš Jelínek) (Dokončeni), in *Lumír*. Roč. 54. Praha, 1927–1928. 170 s.
- Literární příloha: Gen. M. Janin. Moje účast na čsl boji za svobodu. Přel. H. Jelínek, in *Lumír*. Roč. 53. Praha, 1926–1927. 159 s.
- Mercure de France. 15 mars 1934. P. 658–660.
- Moravský legionář. 29. ledna 1925. № 5. S. 3.
- Naše revoluce. Roč. III. 1925/26. Sv. 2. S. 256.
- Naše revoluce. Roč. III. 1925/26. Sv. 3–4. S. 437.
- Příloha Maurice Janin, in *Lumír*. Roč. 52. Praha, 1925–1926. 32 s.
- Smele J. *Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2015. 1470 p.
- Viator. Les chevaliers blancs, in *L'Ère nouvelle*. No. 5829. 15 décembre 1933. P. 3.

Статья принята к публикации 19.04.2024